

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621

В. В. Петухов

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ И ЕЕ РОЛЬ В ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Правильная ссылка на статью:

Петухов В. В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 119—138. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>.

For citation:

Petukhov V. V. (2020) Russian Youth and Its Role in Society Transformation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 119—138. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>.

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ И ЕЕ РОЛЬ В ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

ПЕТУХОВ Владимир Васильевич — кандидат философских наук, руководитель Центра комплексных социальных исследований, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия

E-MAIL: petuhovvv@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9955-9063>

Аннотация. В статье анализируются причины актуализации в молодежной среде запроса на перемены, роста ее гражданской активности. Среди них, по мнению автора, помимо экономических и социальных факторов, связанных со сложностями кризисной адаптации, существенную роль играют наметившиеся расхождения между значительной частью современной молодежи и властными элитами в отношении представлений о желаемом будущем России, тех целей, к которым она должна стремиться в XXI веке. Опираясь на результаты мониторинговых исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, автор отмечает, что современная молодежь желаемый образ страны связывает прежде всего с реализацией идей и принципов социальной справедливости и демократии, которые за последние четыре года в молодежной среде приобрели много новых сторонников, особенно в самой младшей возрастной группе (18—24 года). Выросло и число молодых россиян, высказывающихся за прекращение жесткой конфронтации с Западом. И, напротив, идея «возвращения России к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям, проверенным временем»,

RUSSIAN YOUTH AND ITS ROLE IN SOCIETY TRANSFORMATION

Vladimir V. PETUKHOV¹ — Cand. Sci. (Philos.), Head of the Center for Complex Social Studies

E-MAIL: petuhovvv@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9955-9063>

¹ Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article analyzes the reasons behind actualization of the demand for changes and increase in civic activity among young people. When it comes to the Russia's desired future, apart from economic and social factors behind the difficulties in adapting to a crisis emergent divergence between the majority of young people and political elite is also of great significance. Based on the results of the monitoring studies conducted by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences the author highlights that the modern young people tie a desired country's image to the implementation of their ideas and principles of social justice and democracy which gained popularity among them over the recent four years. The number of those young Russians who oppose tough confrontation with the West has also increased. On the contrary, young people are less likely to support the idea of Russia returning back to national traditions, age-old moral and religious values than it was in 2014. On the whole, youth's views of the social development key goals are founded on today's realities rather than the memories of wonderful or horrible past. In this situation, youth becomes a social strata not just interested in social changes but a strata

сегодня заметно менее популярна в молодежной среде, чем в 2014 г. В целом же можно констатировать, что понимание молодежью ключевых целей общественного развития формируется под влиянием современных реалий, а не воспоминаний о прекрасном, или, напротив, ужасном прошлом. И в этой ситуации молодежь становится общественной стратой, не только заинтересованной в социальных изменениях, но имеющей альтернативный взгляд на приоритеты будущего развития страны.

В то же время, становясь актором запроса на перемены, нынешнее поколение молодежи пока не готово выступать самостоятельным актором политического действия. Прежде всего в силу того, что оно, как и общество в целом, весьма дифференцировано и не обладает необходимой институциональной субъектностью. Тем не менее, не претендуя на лидерские позиции в общественных преобразованиях, молодежь способна стать частью коалиции общественных сил, социальных и политических движений, нацеленных на перемены, ее политически активная часть уже сейчас готова конкурировать с традиционными партиями в части электоральной и шире — политической мобилизации. В рамках же разнообразных гражданских инициатив она способна привлекать внимание общества к новым темам, новым участкам социальных конфликтов, которые мало заботят как государство, так и ключевых политических игроков. Но что представляется наиболее существенным, современная молодежь может задавать не только идейно-политические, но и моральные ориентиры, возвращая в обще-

with an alternative vision of country's priorities for the future.

However, modern young people, despite being ready to become an actor of demand for changes, are still not able to be an independent actor in political activities. This is primarily due to youth's diverse nature and a failure to demonstrate institutional subjectivity. At the same time, not claiming leadership in social transformation youth can merge into a coalition of social forces seeking change; politically active young people are already capable of competing with the traditional parties. As to civic initiatives, youth can raise awareness on the challenging topics, aspects of social conflicts, which are of little concern for the state and the key actors. More importantly, modern youth can set not only principles and political goals but also moral guidelines, which are as important as the struggle against poverty, corruption, and a decline of the public sphere.

ственный обиход на фоне тотальной «гибридности» и релятивизма понятия нормы — в праве, человеческих взаимоотношениях, морали и т. п., что сегодня является не менее фундаментальной задачей, чем борьба с бедностью, коррупцией, деградацией социальной сферы.

Ключевые слова: молодежь, запрос на перемены, акторы перемен, акторы запроса на перемены, политическое участие, социальное участие, образ будущего, справедливость, демократия

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект «Социальная трансформация российского общества: акторы запроса на перемены» № 19 011 00277.

Keywords: youth, request for changes, actors of changes, actors of demand for changes, political participation, social participation, image of the future, justice, democracy

Acknowledgments. The article is supported by the RFBR (“Social Transformation of the Russian Society: the Actors for Changes”, project No. 19 011 00277).

Выход на арену общественной и политической жизни страны уже как минимум двух постсоветских поколений молодежи, активно заявляющих о своих правах и интересах, привлекает к ним внимание не только научного сообщества, но и широкой общественности. Многие наблюдатели начинают связывать с молодежью¹ надежды на глубокие общественные преобразования. Так, Вадим Радаев полагает, что Россия переживает вторую волну фундаментальных социальных изменений, которые, в отличие от 1990-х годов, происходят в относительно стабильное время и связаны не с радикальными реформами, а скорее с поколенческими сдвигами [Радаев, 2019: 211].

Говоря о всплеске интереса к молодежной проблематике, следует оговориться, что он возник не на пустом месте. В стране существует несколько научных центров и исследовательских групп, которые систематически, на протяжении многих лет анализируют различные аспекты жизнедеятельности молодежи, ее отдельных групп и слоев, отслеживают происходящие в молодежной среде изменения. Благодаря исследованиям И. М. Ильинского, Ю. А. Зубок, М. К. Горшкова, В. В. Радаева, Г. А. Ключерева, Ф. Э. Шереги, Д. Л. Константиновского, В. И. Чупрова, В. А. Лукова, Е. Л. Омельченко и многих других, эта область научного знания является сегодня одной из наиболее «продвинутых» в отечественной социологии. Другой вопрос, что нынешний интерес к молодежи выходит за рамки сугубо академиче-

¹ Понятие «молодежь» в данном случае используется в общепринятом смысле как социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения, социально-психологических свойств (см. [Горшков, Шереги, 2014: 9]).

ского дискурса, приобретая политическое звучание в контексте формирующегося в обществе запроса на перемены².

Мониторинговые исследования Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, проводившиеся с 2014 по 2019 г.,³ зафиксировали формирование этого запроса на рубеже 2016—2017 гг. и последующий его быстрый рост. Так, с мая 2017 г. по июнь 2019 г. число респондентов, полагающих, что современной России необходимы новые экономические и политические реформы, возросло почти на 20 п. п. Дальнейшие наши исследования, проводившиеся в рамках проекта «Социальная трансформация российского общества: акторы запроса на перемены», позволили выявить причины актуализации данного запроса, определить его направленность, ключевые слагаемые, а также социальные группы и слои, в наибольшей степени заинтересованные в переменах [Петухов, 2018; Петухов, Петухов, 2019; Латова, 2019; Латов, 2019]. Выяснилось, что все последние годы именно в молодежной среде⁴ (преимущественно среди 18—24-летних) нацеленность на перемены была заметно выше (в диапазоне 6—13 п. п.), чем среди населения в целом, а в июне 2019 г. достигла 75 % (см. рис. 1).

Показательно не только то, что молодые респонденты демонстрируют заметно бóльшую, чем в среднем по выборке, нацеленность на перемены, но и то, что молодежь большинством россиян признается триггером возможных перемен в стране. Ее считают наиболее заинтересованной в переменах социальной группой 55 % опрошенных россиян. Сами молодые респонденты в еще большей мере придерживаются данного мнения (69 % и 56 % в возрасте 18—24 года и 25—34 года соответственно). А вот наиболее уязвимые в социальном отношении группы и слои (бедные, жители российской глубинки, старшее поколение), так же как и относительно благополучные (средний класс, интеллигенция и бюджетники, предприниматели) респонденты, существенно реже относятся к числу сторонников перемен. Опрошенные не верят в то, что представители различных элитных групп (чиновников, политиков, сотрудников силовых структур, а также священнослужителей) стремятся к изменениям в стране. Этот момент крайне важен для понимания того, как российское общество оценивает реформаторский потенциал российской элиты (см. рис. 2).

² Под «общественным запросом на перемены» в реалиях современной России понимается запрос на смену вектора развития страны: с обеспечения социально-экономической и политической стабильности на активизацию экономических, социальных и политических преобразований. При этом если сам процесс перемен объективируется в реальных экономических, социальных и политических практиках, то запрос на перемены, как и другие общественные запросы, носит дискурсивный характер, возникающий и формирующийся в процессе социальной коммуникации как сообщение (посыл), исходящее от общества в целом или от его части и адресованное либо власти, либо другой части общества (например, от отдельных социальных групп элите).

³ Статья основывается на данных мониторинговых исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, проведенных в 2014—2018 гг. по общероссийской выборке ($N = 4000$), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него — полу, возрасту, уровню образования и типу поселения, а также исследования, проведенного в июне 2019 г. ФНИСЦ РАН в сотрудничестве с Ассоциацией российских банков ($N = 2000$). Также использованы результаты ряда исследований ВЦИОМ и данные всероссийского опроса, проведенного «Левада-Центром» при содействии Фонда им. Ф. Эберта в рамках исследования «Российское поколение Z: Установки и ценности». Опрос проводился методом личного интервью в мае — июне 2019 г. Выборка состояла из 1500 респондентов в возрасте 14—29 лет и репрезентирует молодое население России в возрасте 14—29 лет.

⁴ Учитывая, что с ростом продолжительности жизни верхняя возрастная граница молодости сдвигается к 35 годам, в ходе настоящего исследования были выделены две молодежные когорты — от 18 до 24 лет и от 25 до 34 лет.

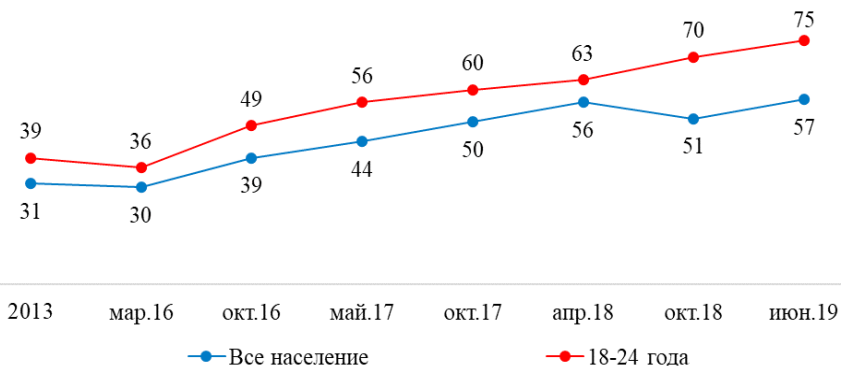

Рис. 1. Одни в нашей стране хотят перемен, другие считают, что стабильность важнее. А как считаете Вы? (указана доля респондентов, ответивших, что страна нуждается в существенных переменах, новых экономических и политических реформах, среди всех опрошенных и в группе молодежи от 18 до 24 лет), 2013—2019 гг., %

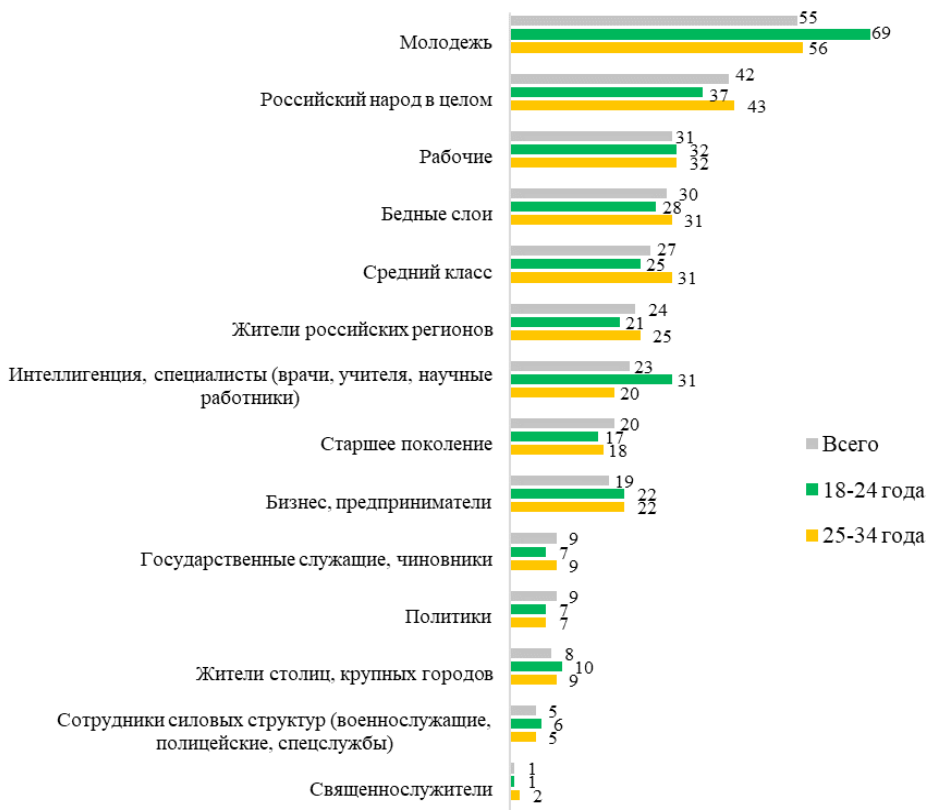

Рис. 2. Какие социальные группы и слои, по мнению россиян, в наибольшей степени заинтересованы в переменах, 2018 г., %

Между тем эпидемия коронавируса и конец эпохи «дорогой нефти» еще раз со всей очевидностью продемонстрировали, что наши сограждане начали осознавать еще три-четыре года назад, а именно — без фундаментальных экономических, политических и социальных реформ страна не сможет успешно развиваться. Причем процесс общественных преобразований сегодня не может ограничиться экономическими и социальными реформами, при всей их значимости. В изменениях нуждается само общество — и молодежь, как никакая другая группа, это чувствует. По справедливому замечанию Дмитрия Руденкина, «*в основе всплеска молодежной активности лежит не только напряжение молодежи из-за неблагоприятных макросоциальных трендов, но и контраст между ценностями и реальным общественным устройством. Если идеальному обществу молодежь склонна приписывать такие ценности, как справедливость, честность, закон, то в российском социуме она стабильно видит примат силы, личного успеха, денег и иных индивидуалистических ценностей*» [Руденкин, 2019: 8].

Подчеркивая заинтересованность молодежи в переменах, необходимо, тем не менее, выяснить, готова ли она реализовать отводимую ей роль одной из их движущих сил? Не повторит ли она судьбу среднего класса, на который в свое время также возлагались большие надежды в деле модернизации и демократизации страны? Есть ли у нее собственное видение образа будущего, целей, к которым должна стремиться Россия в ходе реализации соответствующего запроса? В данной статье будет предпринята попытка ответить на эти и некоторые другие вопросы. Но прежде отметим, что ни молодежь, ни какая-либо другая социальная группа в отдельности не может претендовать на статус актора общественных преобразований. Как в свое время отмечал Владимир Ядов, только сложносоставная композиция различных групп, кланов, объединений, партий и фракций в парламентах, не только коллективная, но также индивидуально-спонтанная активность многообразных социальных субъектов способна определить вектор и направленность трансформационных общественных процессов [Ядов, 2009: 79]. Пока не очень понятно, какое место в этой «композиции» может занять молодежь, поскольку еще совсем недавно (буквально пять-семь лет назад) она представлялась многим наблюдателям довольно аморфной, аполитичной, зацикленной исключительно на своей частной жизни социальной группой⁵. Характерен в этом отношении тот факт, что в 2011—2013 гг. молодежь практически проигнорировала «болотные протесты» оппозиции, тогда как летом-осенью 2019 г. молодые люди стали одними из наиболее активных и массовых участников протестных акций⁶.

Что же могло в последние годы вывести значительную часть молодежи из благодушной апатии? Прежде всего, несколько изменился ее состав. К поколению миллениалов, или поколению Y (1982—2000 гг. рождения), добавилось поколение Z, или центиниалы, рожденные в 2000-х годах [Радаев, 2019: 49]. Это поколение, как будет показано далее, заметно изменило палитру мировоззренческих установок и поведенческих практик современной молодежи в целом.

⁵ Колесников А., Волков Д. Мы ждем перемен. Есть ли в России массовый спрос на изменения? // Московский центр Карнеги. 2017. 5 декабря. URL: <https://carnegie.ru/2017/12/05/ru-pub-74906> (дата обращения: 24.06.2020).

⁶ Омельченко Е. Протест миллениалов, но не только // Полит.ру. 2019. 2 августа. URL: <https://polit.ru/article/2019/08/02/omelchenko/> (дата обращения: 24.06.2020).

Но, безусловно, ключевым фактором активизации молодежи стали последствия затяжного экономического кризиса, который не только ухудшил материальное положение многих молодых людей, но и потребовал корректировки их жизненных стратегий в соответствии с новой социальной реальностью. Для многих это оказалось непростым делом, учитывая, что нынешнее поколение молодежи, в отличие от своих более «закаленных» родителей, не имело опыта кризисной адаптации. К тому же застойная (или негативная) стабильность [Тихонова, 2019] сузила коридор возможностей для самореализации многим молодым россиянам, поскольку ключевые позиции в бизнесе, политике, других сферах жизни общества прочно заняли представители поколения девяностых, многим из которых нет еще 50 лет и которые особо не расположены «давать дорогу молодым». В сложном положении оказалась и значительная часть учащейся молодежи, осознавшая, что диплом о высшем образовании не гарантирует стабильной занятости даже в столицах, где традиционно рынок труда предоставляет больше возможностей для трудоустройства⁷.

Развитие новых сфер занятости (интернет-технологий, сферы услуг и развлечений), в которых молодежь сегодня востребована, лишь отчасти способно компенсировать нарастающую озабоченность многих юношей и девушек по поводу перспектив их материального и статусного роста. Коронавирус, по всей видимости, эту ситуацию еще больше усугубит. Так, по мнению ректора НИУ ВШЭ Ярослава Кузьмина, в результате экономического кризиса, связанного с пандемией коронавируса, средний класс может скатиться в бедность. В первую очередь это касается экономики услуг, в том числе интеллектуальных, и экономики впечатлений, которая давала пространство для развития новых креативных проектов⁸. Этот прогноз, судя по последним данным ВЦИОМ, уже подтверждается. Среди молодежи 18—24 и 25—34 лет в апреле 2020 г. отмечалась самая высокая доля тех, кто уже потерял работу или считал, что это случится в ближайшее время (54 % и 57 % опрошенных в молодежных когортах высказали беспокойство по этому поводу, при 48 %—49 % в группах 35—59-летних респондентов)⁹.

И все же было бы неправильно связывать рост гражданской и политической активности молодежи, актуализацию в ее среде запроса на перемены только лишь со сложностями кризисной и посткризисной адаптации. В стране есть немало людей, которые сегодня живут несравненно хуже, чем большая часть нынешней молодежи, но по-прежнему ориентированы на сохранение статус-кво, не желают ничего менять ни в своей жизни, ни в стране в целом. Актуализация этого запроса в молодежной среде также связана с целым комплексом причин нематериального характера, среди которых не последнюю роль, судя по исследованиям, играют разные представления значительной части современной молодежи и властных элит о желаемом будущем России, тех целях, к которым она должна стремиться-

⁷ Высшее образование: Социальный лифт или потерянное время? // ВЦИОМ. 2019. 18 июля. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9808> (дата обращения: 24.06.2020).

⁸ Ректор ВШЭ предупредил о риске обеднения среднего класса в России // РБК. 2020. 27 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/04/2020/5ea736a29a7947c355361fcb> (дата обращения: 24.06.2020).

⁹ Данные представлены компанией ВЦИОМ по запросу. Общероссийский опрос проведен 26 апреля 2020 г. (выборка 1600 человек, телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров).

ся в XXI веке. Пока эти различия не приобрели характер ценностного раскола, но и чисто «стилистическими» назвать их также трудно, о чем речь впереди.

Не по душе многим представителям современной молодежи также иногда чрезмерное внимание к ней государственных и окологосударственных структур, их попытки влиять на индивидуальный выбор разных ее групп — с кем и как им следует общаться в социальных сетях, участвовать или нет в политической жизни и т. п. Ведь вплоть до середины 2010-х годов государство особого интереса к молодежи не проявляло, поскольку тогда у него были другие заботы. Но именно с отсутствием на тот момент контроля, включая идеологический, было связано в целом лояльное отношение к властям большинства молодежи. А участие в политической и общественной жизни страны носило слабовыраженный характер. И сегодня, судя по исследованиям, максимальный приемлемый для молодежи уровень вмешательства государства в процесс «урегулирования» ее активности — это создание институциональной базы, условий для функционирования молодежных организаций, но не вмешательство в их деятельность (этот подход поддерживают 62% среди 18—24-летних)¹⁰.

Наконец, у многих юношей и девушек, вступающих в самостоятельную жизнь, есть проблемы морального выбора — как добиться в жизни материального достатка, карьерного роста и остаться при этом честным, порядочным человеком. Этот выбор для очень многих весьма непросто, тем более что в окружающей их реальности не так уж много примеров молодых людей, которых американцы называют «self-made men», то есть тех, кто добился жизненного успеха благодаря своим знаниям, добросовестности, профессионализму, и на которых можно было бы равняться. И хотя немало молодых людей по-прежнему верит в то, что благополучие достигается вследствие собственных усилий по саморазвитию, выстраиванию сетей социальных связей и накоплению социального капитала, большинство все же полагает, что жизненный успех либо является делом случая, либо может быть достигнут за счет использования личных связей и возможностей (см. табл. 1).

Таблица 1. Суждения респондентов из разных возрастных групп о путях достижения благополучия в жизни, 2018 г., %

Суждения респондентов о том, как в современной России можно достичь благополучия	18—24 года	25—34 года	35—44 года	45—59 лет	От 60 лет и старше	Всего
Благополучное положение в российском обществе сегодня — прежде всего результат высокого уровня образования и квалификации	42	39	43	36	34	39
Благополучное положение в российском обществе сегодня — в основном результат везения и личных связей	58	61	57	64	66	61

* Фоном выделены ячейки, значения в которых превышают среднее по выборке более чем на величину статистической погрешности (2%—3%).

¹⁰ Молодежный активизм = общественная польза? // ВЦИОМ. 2019. 26 июня. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9775> (дата обращения: 24.06.2020).

Отсюда многие страхи и фобии — нереализованности, одиночества, невозможности создать семью и т. п. В отличие от их родителей, дедушек и бабушек, которые переживали не только кризисные времена, но и периоды общественно-политического подъема и единения, для сегодняшней молодежи характерна смесь надежды на лучшие времена с опасениями по поводу неопределенности будущего и, как следствие, выбор в пользу постепенных, осторожных преобразований (см. рис. 3). Несмотря на то, что в самой младшей возрастной когорте число сторонников радикальных перемен достаточно велико (38%), ожидать молодежных выступлений, аналогичных европейским «студенческим революциям» конца 1960-х годов, сегодня нет никаких оснований. Но также нет оснований считать, что молодежь «перебесится» и успокоится.

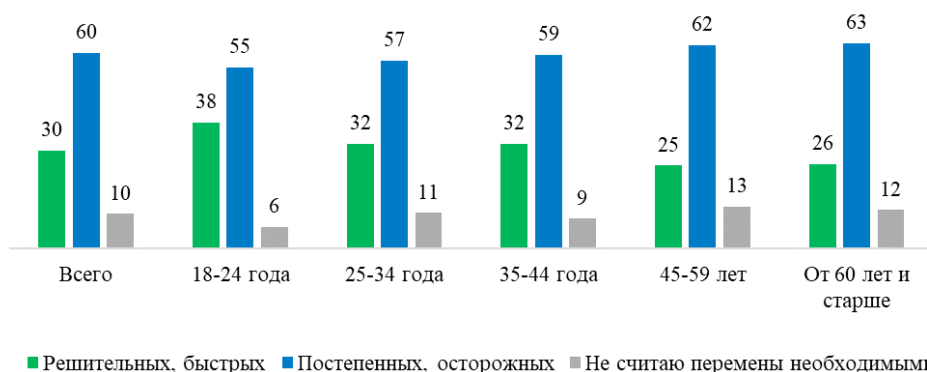

Рис. 3. Мнение респондентов о том, в каких реформах нуждается современная Россия — быстрых и решительных или постепенных, осторожных, 2018 г., %

Можно констатировать, что запрос двух третей молодежи на перемены обусловлен не только ее реакцией на безвременье, но и комплексом объективных факторов экономического, политического и социально-психологического характера. Но есть ли у нынешней молодежи помимо абстрактной заинтересованности в переменах собственное видение того, в каких изменениях нуждается страна и какие из них она готова поддержать? То есть в чем собственно суть «молодежного» запроса на перемены, как он соотносится с представлениями остальной части общества? Это чрезвычайно важный вопрос, поскольку ответ на него позволяет увидеть взаимосвязь между образом будущего и повседневными практиками современной молодежи. Понятно, что подавляющая ее часть молодых людей живут повседневной жизнью и особо не задумываются о том, «как им обустроить Россию». Но, живя в настоящем, они ощущают, в каком направлении движется страна, что «позволяет им оптимизировать свои ресурсы и развивать необходимые компетенции, ориентируясь на образы незримого, интуитивно ощущаемого будущего» [Зубок, Чупров, 2017: 34].

Судя по результатам исследований, современная молодежь имеет довольно отчетливые представления о том, каким хочет видеть будущее, к каким целям

должна стремиться Россия в XXI веке. Приведенные ниже данные демонстрируют, что более чем половина опрошенных, включая и молодежную когорту, связывает желаемый образ будущего с реализацией идеи социальной справедливости. В частности, с 2014 по 2018 г. доля молодых россиян, которым близка эта идея, выросла на 10—12 п. п. в разных ее когортах. Идея же «величия страны», оставаясь востребованной почти третью молодых респондентов, заметно уступает в иерархии их предпочтений не только идее социальной справедливости, но и идее демократии, прав человека, свободе самовыражения личности. Обращает на себя внимание то, что демократия как важная часть желаемого образа будущего за последние четыре года приобрела особенно много новых сторонников (рост на 12 %) в самой младшей возрастной группе (18—24 года). Однако самый впечатляющий, практически двукратный рост в этой когорте показала идея сближения с Западом и вхождения в «общеевропейский дом» (рост за четыре года с 14 % до 29 %), чего, однако нельзя сказать о более «старшей» молодежной группе (см. табл. 2).

Таблица 2. Динамика представлений российской молодежи о желаемом будущем России, 2014—2018 гг., %

Какие ценностные ориентиры должны быть основополагающими для России XXI века	2018			2014		
	Всего	18—24 года	25—34 года	Всего	18—24 года	25—34 года
Социальная справедливость	59	52	55	47	40	45
Права человека, демократия, свобода самовыражения личности	37	49	39	27	37	27
Россия должна снова стать великой державой	32	30	28	32	30	34
Возвращение к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям, проверенным временем	26	13	22	35	24	32
Сильная жесткая власть, способная обеспечить порядок	26	21	22	26	20	24
Сближение с Западом, с современными развитыми странами, вхождение в «общеевропейский дом»	14	29	14	11	14	11
Свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику	14	22	16	13	20	13
Россия в первую очередь для русских	12	11	12	10	12	11
Ни одна из этих идей	8	8	10	9	11	10

Во втором эшелоне этой своеобразной шкалы ценностных приоритетов расположились идеи свободного рынка с минимальным вмешательством в экономику государства и прямо противоположная ей идея сильной, жесткой власти, способ-

ной навести порядок в стране. Число сторонников этих идеологем практически не изменилось за последние четыре года, с той лишь разницей, что в молодежной аудитории идея свободного рынка популярнее, чем у населения в целом, а идея сильной власти, напротив, менее популярна.

Единственной идеей, которая за рассматриваемый период заметно потеряла в «весе» (снижение на 11 п. п.), оказалась идея возвращения России к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям, проверенным временем. В возрастной когорте 18—24 года она находит поддержку только у 13 % опрошенных. Меньше сторонников лишь у откровенно националистического лозунга «Россия для русских» (11 %).

Тот факт, что идея возврата к «традиционным» ценностям у молодежи не вызывает особого энтузиазма, не в последнюю очередь связан с тем, что молодые россияне (впрочем, и немолодые тоже) просто не понимают, что из себя представляют эти самые ценности, какие из них собственно «традиционные» и какие надо возрождать — советские или досоветские, или какие-либо еще. Как в свое время отмечал Петр Штомпка, традиции прошлого существуют в настоящем в двух ипостасях: объективно, когда объекты прошлого сохраняются материально, и субъективно, когда в сознании членов общества присутствуют идеи прошлого, которые становятся частью современной культуры. И в том, и в другом случаях прошлое влияет на настоящее, служит важным элементом состояния общества. Но есть и «изобретенные традиции», когда на настоящее влияет не реальное прошлое, а его конструирование. Причины, по которым они конструируются, различны. Иногда есть нужда в том, чтобы подтвердить справедливость или обеспечить легитимность политических действий; иногда необходимо упрочить положение лидера или поднять дух нации [Штомпка, 1996: 64]. Попытки соединить «советские» и «несоветские» традиции и есть типичный образец «изобретенных традиций», которые, как правило, не вызывают эмоционального отклика у современной молодежи. Столкнувшись с множественностью взглядов на прошлое, значительная часть современной молодежи просто утрачивает интерес к истории своей страны.

В целом же на основании вышеприведенных данных можно сделать следующие выводы: во-первых, большая часть молодежи не согласна считать, что в будущем нет ничего важнее прошлого. Даже если это прошлое СССР, по которому ностальгирует (или делает вид, что ностальгирует, в силу конъюнктурных политических соображений) значительная часть ныне властвующей элиты и общества. Во-вторых, молодежи не близко восприятие России в качестве осажденной крепости, все проблемы которой связаны исключительно с негативным внешним влиянием. Считая важным возрождение России как великой державы, молодежь вместе с этим высказывается за прекращение жесткой конфронтации с Западом¹¹.

В то же время при всех различиях в оценках будущих перспектив страны с россиянами старших возрастных групп исследование показало, что у них есть и точки соприкосновения. *Сегодня триаду основных ценностных предпочтений всех наших сограждан, как молодых, так и не очень (хотя и в разной степени актуализации),*

¹¹ По данным исследования «Левада-Центра» «Российское поколение Z: Установки и ценности», 52% молодых россиян считают, что отношения между Россией и Западом могут быть по-настоящему дружественными. Хотя немалое их число (42%) считают, что недоверие между ними сохранится еще долго.

составляют идеи справедливости, демократии и державности. Четыре года назад конфигурация идейных приоритетов респондентов в целом и респондентов возрастной группы 25—34 года была иной: справедливость, традиция, держава. И лишь в самой младшей возрастной когорте (18—24 года) была такой же, как и сегодня. В этой связи можно предположить, что общественные настроения и ожидания в значительной степени начинает определять молодежь, понимание которой ключевых целей общественного развития формируется под влиянием современных реалий, а не травмирующего сознания (или, напротив, греющих душу) воспоминаний о прошлых временах.

Именно этим можно объяснить актуализацию демократического дискурса в целеполагании современной российской молодежи. В отличие от поколения родителей, у нее нет разочарования по поводу неудачных попыток демократизации страны в 1980-е и 1990-е годы и несбывшихся надежд на свободу и обеспеченную жизнь. По данным исследования «Левада-Центра» «Российское поколение Z: Установки и ценности», практически каждый второй молодой россиянин соглашается с тем, что «демократия» является оптимальной моделью социально-политической системы, а свыше 70 % заявляют о неприятии авторитарных методов управления, использования силовых структур — полиции и армии — для решения социальных и этнонациональных проблем.

Молодежный запрос на демократизацию инструментален и связан, с одной стороны, с недовольством свертывания прав и свобод, которые молодые россияне считают для себя важными, например, права на свободное распространение информации и свободное выражение своих взглядов, а с другой — с недопредставленностью ее интересов в публичной политике. Так, почти каждый второй участник (48 %) опроса «Левада-Центра» заявил, что «политикам неинтересно его/ее мнение», и эта ситуация молодым респондентам представляется ненормальной. С суждением «молодежь должна иметь больше возможностей заявить о себе в политике» согласилось 66 % опрошенных.

Итак, современная молодежь хотела бы жить в великой, демократичной, открытой миру стране, где реализуются принципы социальной справедливости и обеспечивается свобода самовыражения личности. Безусловно, этот желаемый образ имеет мало общего с тем, что она видит в окружающей реальности. Но само то, что молодежь становится общественной стратой, не только заинтересованной в социальных изменениях, но и имеющей свой, во многом отличный от властвующей элиты взгляд на будущее, говорит о том, что ее акторство запроса на перемены выглядит вполне обоснованным.

Признание за молодежью такого акторства — это одно, а трансформация его в деятельные практики социального и политического участия — совсем другое. Здесь ситуация выглядит несколько сложнее. С одной стороны, растет число россиян, прежде всего молодых, заряженных на активную реализацию своих жизненных устремлений и не рассчитывающих при этом на поддержку со стороны государства. Доля респондентов, заявляющих о своей способности самостоятельно обеспечить себя и свои семьи, уже приближается к 50 %. В молодежной возрастной когорте от 18 до 34 лет этот показатель еще выше и составляет уже 62 % против 38 %, заявивших, что без поддержки государства им и их семьям не выжить. С другой

стороны, интерес основной массы (особенно нестоличной) молодежи к общественно-политической жизни страны, так же, как и уровень участия в ней, не настолько велик, чтобы можно было рассчитывать на ее лидерство в преобразовательных процессах. Как видно из данных, представленных в таблице 3, доля молодых россиян, постоянно интересующихся политикой, с 2013 по 2018 гг. практически не изменилась и составляла 15%—17%.

Таблица 3. **Интерес респондентов разных возрастных групп к политической жизни страны, 2013—2018 гг., %***

Возрастные группы	Внимательно следят за информацией о политических событиях в стране	Внимательно за информацией о политических событиях не следят, но изредка обсуждают их с друзьями, родственниками	Политикой не интересуются
2013			
Всего	26	28	46
18—24 года	17	22	61
25—34 года	15	29	56
35—44 года	26	28	46
45—59 лет	29	31	40
От 60 лет и старше	41	27	32
2018			
Всего	23	47	30
18—24 года	15	42	43
25—34 года	17	50	33
35—44 года	18	52	29
45—59 лет	26	44	30
От 60 лет и старше	35	43	21

* Фонмом выделены ячейки, значения в которых превышают среднее по выборке более чем на величину статистической погрешности (2%—3%).

Тем не менее появились некоторые новые, заслуживающие внимания тренды. Во-первых, сокращение в молодежной среде полностью деполитизированного сегмента за счет заметного уменьшения доли молодых респондентов, совершенно не интересующихся политикой (с 61% и 56% в когортах 18—24-летних и 25—34-летних до 43% и 33% соответственно) и увеличения доли интересующихся ею от случая к случаю — на 20 и 21 п. п. соответственно. Из этого следует, что многие молодые россияне уже не столь политически индифферентны, как это было еще пять лет назад, хотя и не стремятся особо погружаться в политику.

Указанные выше сдвиги также можно интерпретировать как свидетельство осознания молодой частью общества связи между происходящими в стране

политическими процессами и обыденной жизнью. Другими словами, молодежь как социальная группа пока еще не пришла в политику, но политика уже пришла в жизнь молодых людей и заставляет их обращать на себя внимание. На практике это проявляется в пульсирующей вовлеченности, когда всплеск активности сменяется затишьем, затем новым всплеском. Причем политическое участие молодежи приобретает массовый характер чаще всего за счет той ее части, которая, реагируя на те или иные важные для нее события, затем возвращается к своей обычной повседневной жизни. Тем не менее при сохранении нынешнего тренда можно предположить, что для части молодежи «факультативный» интерес к политике может трансформироваться в постоянный.

Во-вторых, заметное превалирование в молодежной среде селективного, выборочного подхода в отношении конкретных практик социального и политического участия. Так, молодые россияне чаще других групп и слоев населения откликаются на разного рода социальные инициативы. Они достаточно активно участвуют в волонтерских, экологических, благотворительных и других формах низовой самоорганизации, приносящих конкретную и осязаемую помощь людям, нуждающимся в ней (см. табл. 4).

Таблица 4. Уровень участия россиян разных возрастов в деятельности общественных организаций (волонтерских, благотворительных и т. п.) в течение последнего года, 2018 г., %*

Участие россиян в деятельности различных общественных формирований	18—24 года	25—34 года	35—44 года	45—59 лет	От 60 лет и старше	Всего
Не принимал участие	73	77	81	80	87	80
Принимал участие в одной из форм	16	15	12	12	8	12
В двух формах	6	5	4	5	2	4
В трех и более формах	5	3	3	4	3	3

* Фоном в таблице выделены ячейки, значения в которых превышают средние по выборке более чем на величину статистической погрешности в 2%—3%.

В политической сфере их в основном привлекает участие в публичных мероприятиях (включая протестные) и работа волонтерами и наблюдателями в избирательных кампаниях. Волонтерство на выборах практиковал практически каждый десятый опрошенный молодой россиянин. Важно отметить, что, демонстрируя наивысшие среди всех возрастных групп показатели вовлеченности в эти практики, непосредственно в голосовании молодежь участвует довольно неохотно. Для сравнения: в 2018 г. избирательные участки посетили 35% опрошенных молодых респондентов, в то время как доля проголосовавших на выборах респондентов 60+ составила 60%. Также не слишком высоки показатели заинтересованности

молодежи в работе политических партий, органов местного самоуправления, профсоюзов (на уровне 2%—3%) — возможно, по причине того, что они не рассматриваются в качестве стартовой площадки для реализации своих, в том числе политических устремлений. В целом же молодежь отдает предпочтение нацеленным на конкретный результат формам участия, которые, однако, не требуют формальной и продолжительной по времени включенности. Такую форму участия в политической жизни директор Центра молодежных исследований Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге Елена Омельченко называет «повседневной гражданственностью»¹². Причем как в практиках политического, так и общественного участия есть ядро (5%—7%) и есть периферия (6%—16%), способная при определенных условиях к активной мобилизации. Сравнительно высокий потенциал включенности демонстрируют и данные исследования «Российское поколение Z: Установки и ценности»: на вопрос «Готовы ли Вы участвовать в политической деятельности?» 66% дали отрицательный ответ, 7% ответили, что с удовольствием приняли бы в ней участие в будущем, а еще 28% — что «возможно».

Иначе говоря, «путинское поколение» пока еще не готово выступать самостоятельным субъектом политического действия. Прежде всего в силу того, что оно, как и общество в целом, весьма дифференцировано по самым разным основаниям: ценностным установкам, реализуемым социальным практикам, отношению к властям и т. д. Так, из представленных ранее данных отчетливо видны различия в оценках окружающей их реальности респондентов «младшей» и «старшей» молодежных когорт. И это понятно, учитывая, что многим молодым россиянам 25—30 лет приходится делать нелегкий выбор, определяя, что для них важнее: играть по правилам, определенным для них «свыше», либо рассчитывать на себя и свои силы без особых гарантий на успех и материальное преуспевание. Большинство из них, уже имея семьи, детей, карьерные устремления, выбирают первое, и этот налет конформизма эмпирически «считывается».

Кроме того, необходимо признать, что многие актуальные для общества проблемы находятся на периферии внимания молодежи. Например, ситуация в сфере экономики не вызывает у нее ни особого интереса, ни стремления как-то повлиять на нее. А готовность почти трети молодых россиян участвовать в акциях в защиту экономических и социальных прав граждан (безработица, снижение жизненного уровня, пенсионная реформа и т. п.) носит во многом декларативный характер. Довольно вялое участие молодежи в протестах 2018 г. по поводу пенсионной реформы это отчетливо продемонстрировало. Дело здесь, конечно, не только в том, что пенсии и многие другие социальные проблемы лично их пока не слишком касаются, просто защита социальных и особенно социально-трудовых прав требует систематической включенности, на которую не хватает времени, возможностей или интереса.

В заключение хотелось бы констатировать следующее. До последнего времени изменения в стране, в отличие от «бурных» 1990-х годов, происходили в рамках инерционного тренда. Большинство наблюдателей полагали, в том числе и автор

¹² Омельченко Е. Протест — новая субкультура? // Meduza. 2019. 14 октября. URL: <https://meduza.io/feature/2019/10/14/govoryat-ranshe-molodye-lyudi-v-rossii-stanovilis-neformalami-a-teper-liberalami-eto-pravda-protest-novaya-subkultura> (дата обращения: 24.06.2020).

данной статьи, что и в дальнейшем они будут носить эволюционный характер. Пандемия коронавируса резко изменила ситуацию, выдвинув на передний план сложный комплекс нетривиальных проблем, некоторые из которых предстоит решать быстро, что называется, «в режиме реального времени», и для этого необходима широкая общественная поддержка предпринимаемых властями действий. В то же время эпидемия не делает менее востребованной трансформацию страны в направлении реализации принципов социальной справедливости, демократии и открытости миру, так как в этом заинтересована значительная часть российского общества, и прежде всего молодежь.

Что из себя может представлять «коалиция перемен», пока не вполне очевидно. Это всегда выясняется постфактум. Пока события развиваются, можно лишь делать предположения по этому поводу. Ясно лишь то, что она будет иметь совершенно иную конфигурацию, чем это было на рубеже 1980—1990-х годов. Тогда, по оценке Татьяны Заславской, главными движущими силами трансформационных процессов были, с одной стороны, правящие элиты с примыкающей к ним бюрократией, а с другой — социально зрелые, экономически и политически активные представители массовых общественных групп, в первую очередь средних слоев [Заславская, 2004]. Сегодня трудно себе представить, например, бюрократию в качестве «застрельщицы» реальных, а не бумажных перемен. В то время как молодежь, благодаря своей большей, чем у других социальных групп и слоев, заинтересованности в них, заряженности на социальное действие, способна стать частью этой коалиции, хотя вряд ли сможет претендовать на лидерство в ней. Ее роль, по нашему мнению, может состоять в следующем.

Во-первых, политически активная часть молодежи уже сейчас способна конкурировать с традиционными партиями в части электоральной и шире — политической мобилизации. Как показали последние выборы в Мосгордуму в 2019 г., молодые гражданские активисты, имея навыки низовой самоорганизации, оказывали многим кандидатам эффективную организационную и моральную поддержку, в целом ряде случаев приведшую их к победам. То есть эта часть молодежи, даже не обладая самостоятельным институциональным потенциалом, способна стать частью коалиционных политических образований, выступающих за назревшие в стране перемены. При этом важно иметь в виду, что если ситуация в стране в ближайшие годы меняться не будет, или даже ухудшится, то акторство запроса на перемены может начать смещаться в сторону более активного несогласия с тем, как идут дела в стране.

Во-вторых, молодежь, в силу присущего ей стремления к тому, чтобы будущее не было повторением настоящего, может задавать не только идейно-политические, но и моральные ориентиры на будущее. Ведь возвращение в общественный обиход на фоне тотальной «гибридности» и релятивизма понятия нормы — в праве, человеческих взаимоотношениях, морали и т. п., — сегодня является не менее фундаментальной задачей, чем борьба с бедностью, коррупцией, деградацией социальной сферы. В отличие от старших поколений, обремененных опытом социальной мимикрии «под изменчивый мир», у молодежи благодаря свойственному молодости обостренному восприятию социальной справедливости, неприятию двойной морали и лицемерия больше шансов решить эту задачу. В том числе

и потому, что у молодежи, несмотря на возникшие в стране проблемы, нет страха перед будущим. Она с оптимизмом, хотя и сдержанным, оценивает перспективы. К примеру, согласно данным исследования «Российское поколение Z: Установки и ценности», 43 % молодых респондентов полагают, что через десять лет ситуация в стране будет лучше, чем сейчас, 31 % считают, что она будет примерно такой же, и лишь 20 % — что хуже. А это очень важно сегодня, учитывая рост депрессивных настроений во многих группах и слоях российского общества.

В-третьих, молодежь в рамках разнообразных гражданских инициатив способна привлекать внимание общества к новым темам, новым участкам социальных конфликтов, выходящим за пределы текущей политической конъюнктуры, которые мало заботят или малоинтересны как государству, так и ключевым политическим субъектам. Как отмечает П. Штомпка, «„новые социальные движения“, в которых доминирующие позиции занимает молодежь, не выдвигают на первое место явно выраженных экономических требований. Их гораздо больше волнуют культурные проблемы, вопросы самостоятельности, прав личности, а также темы, связанные с новыми ситуациями риска, которому подвергаются люди независимо от их социального положения» [Штомпка, 1996: 248]. Причем для борьбы за эти права не обязательно «лезть на баррикады». Главная функция, по выражению Т. Заславской, «трансформационного поведения» состоит в систематическом, хотя и малозаметном, изменении ключевых социальных практик [Заславская, 2004: 224]. В частности, открытое недовольство россиянами состоянием законности в стране, соблюдением прав человека, выборными фальсификациями или коррупцией, описываемое термином «легалистский протест», то есть протест в рамках закона, методами закона и против нарушения закона, оказывает существенное влияние на умонастроения россиян, давая им ощущение собственной правоты [Шульман, 2018: 177].

И последнее. На фоне сложностей, с которыми сегодня столкнулось российское общество, вполне вероятным представляется обратное колебание «маятника» общественных настроений, предполагающее снижение актуальности перемен для многих социальных групп, а также рост стабилизационного и даже авторитарного запроса. В этих условиях чрезвычайно важна консолидация общественных сил, заинтересованных в переменах. Переход от абстрактных надежд к конкретным изменениям сможет стать реальностью только тогда, когда сторонники перемен смогут сформулировать собственную «повестку дня» и добиться ее институционализации через самоорганизующиеся движения, гражданские инициативы и политические партии, у которых получится вступить в диалог с властью. Основой для совместного действия акторов перемен может стать общий для широких слоев населения набор ценностей и корреспондирующих им требований к государству. К числу таких общих для большей части российского общества ценностей относится социальная справедливость, требование обеспечения которой может стать сутью преобразовательных процессов в стране на ближайшие годы, если не десятилетия.

Список литературы (References)

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Исторические и теоретико-методологические предпосылки исследования молодежи в России // Россия и Китай: Молодежь XXI века

/ отв. ред.: М. К. Горшков, Ли Чунлинь, З. Т. Голенкова, П. М. Козырева. М.: Новый хронограф, 2014. С. 7—32.

Gorshkov M. K., Sheregi F. E. (2014) Historical, Theoretical, and Methodological Background for Youth Studies in Russia. In: Gorshkov M. K., Chunlin Li, Golenkova Z. T., Kozyreva P. M. (eds.) *Russia and China: Youth of the XXIst Century*. Moscow: New Chronograph. P. 7—32. (In Russ.)

Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.

Zaslavskaya T. I. (2004) Contemporary Russian Society. Social Transformation Mechanism. Moscow: Delo. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Современная социология молодежи: Изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 15 / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2017. С. 12—48.

Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2017) Modern Sociology of Youth: Changing Realities and New Theoretical Approaches. In: Gorshkov M. K. (ed.) *Reforming Russia: A Yearbook*. No. 15. Moscow: New Chronograph. P. 12—48. (In Russ.)

Латов Ю. В. Идеологические векторы и скаляры действий сторонников перемен // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 15—28. <https://doi.org/10.31857/S013216250007738-4>.

Latov Yu. V. (2019) Ideological Vectors and Scalars of Action for Proponents of Change. *Sociological Studies*. No. 12. P. 15—28. <https://doi.org/10.31857/S013216250007738-4>. (In Russ.)

Латова Н. В. Акторы запроса на институциональные перемены в современной России (социально-психологический контекст) // Журнал институциональных исследований. 2019. № 11. С. 119—134. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.3.119-134>.

Latova N. V. (2019) The Actors of the Request for Institutional Changes in Modern Russia (the Socio-Psychological Context). *Journal of Institutional Studies*. No. 11. P. 119—134. (In Russ.) <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.3.119-134>.

Петухов В. В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 40—53. <https://doi.org/10.31857/S013216250002784-5>.

Petukhov V. V. (2018) Dynamics of the Social Attitudes of the Russia's Citizens and Making of a Public Demand for Change. *Sociological Studies*. No. 11. P. 40—53. <https://doi.org/10.31857/S013216250002784-5>. (In Russ.)

Петухов В. В., Петухов Р. В. Запрос на перемены: Причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 119—133. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.09>.

Petukhov V. V., Petukhov R. V. (2019) Request for Change: Factors and Causes of its Actualization, Key Components, and Potential Carriers. *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 119—133. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.09>. (In Russ.)

Радаев В. В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.

Radaev V. V. (2019) Millennials: How the Russian Society Changes. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Руденкин Д. В. Фактор ценностей в развитии протестных настроений молодежи: Итоги пилотажного исследования // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. Т. 10. № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/08SCSK119.html> (дата обращения: 24.06.2020).

Rudenkin D. V. (2019) Factor of Values in The Formation Of Protest Moods Of Young People: The Results Of A Pilot Survey. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. Vol. 10. No. 1. URL: <https://sfk-mn.ru/08SCSK119.html> (дата обращения: 24.06.2020). (In Russ.)

Тихонова Н. Е. «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 1. С. 27—47. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6278>.

Tikhonova N. E. (2019) “Negative Stabilization” and Factors of Population Welfare Dynamics in Post-Crisis Russia. *Sociological Journal*. Vol. 25. No. 1. P. 27—47. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6278>. (In Russ.)

Штомка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996.

Sztompka P. (1996) *The Sociology of Social Change*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Шульман Е. Практическая политология. Пособие по контакту с реальностью. М.: АСТ, 2018.

Schulmann E. (2018) *Practical Political Science: A Textbook on a Contact with Reality*. Moscow: AST. (In Russ.)

Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций для студентов магистратуры по социологии. СПб.: Интерсоцис, 2009.

Yadov V. A. (2009) *Modern Theoretical Sociology as a Conceptual Basis for the Study of Russian Transformations: Lectures for Master’s Students in Sociology*. Saint Petersburg: Intersotsis. (In Russ.)